

щественно в переводе с польского Е. Усиевич) выходили миллионными тиражами, переводились на мн. яз. мира. В. была единственной польской писательницей, которая стала и писательницей советской. Являясь членом Всемирного Совета Мира, В. посетила много стран, опубликовала книги очерков о Франции («**В Париже и вне Парижа**», 1949), об Италии («**Письма из Рима**», 1949), о Китае («**В Китае**», 1956). В 1958 вышла повесть «**В неминуемой схватке**» (др. назв.— «**В борьбе роковой**»), в которой В. отдала дань памяти всем погибшим в революционной борьбе польским коммунистам. В. умерла, немного не дожив до своего 60-летия. Ее похоронили в Киеве на Байковом кладбище.

Соч.: СС: в 6 т. / вступ. статья Е. Усиевич. М., 1954–55; Радуга. М., 1979.

Лит.: Усиевич Е. Ванда Василевская: Критико-биографический очерк. М., 1953; Венгеров Л. Ванда Василевская: Критико-биографический очерк. М., 1955; Бажан М. Незабываемая Ванда // Бажан М. Избранные произведения: в 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 128–156.

Н. А. Грознова

ВАСИЛЕНКО Светлана Владимировна [24.1.1956, пос. Капустин Яр Астраханской обл.] — прозаик, киносценарист.

Родилась в городе ракетчиков, отец — офицер, мать — инженер-строитель. Начала писать, когда ей было 10 лет; впервые ее стихи были опубликованы в 1973 в газ. «Комсомольская правда». После окончания школы несколько лет проработала на фабрике синтетического волокна в г. Волжском Волгоградской обл., почтальоном в Москве, где в 1983 окончила Лит. ин-т им. Горького, а в 1989 — Высшие сценарные и режиссерские курсы (мастерская Н. Б. Рязанцевой).

Опубликованный в 1982 рассказ «**За сайгаками**» (Лит. учеба. № 5) был отмечен прессой как лучший рассказ года. Но широкую известность писательнице принес рассказ «**Звонкое имя**», напечатанный в ж. «Юность» (1988. № 11). Как и мн. др. ее произведения, он включает биографические элементы. В своей прозе В. рассказывает об обычной, казалось бы, нормальной жизни простых людей, которая в действительности ужасающе ненормальна. Писательница рисует общество маргиналов, находящихся на грани распада. Долгое время произведения В. не печатались, и мотивом отказа в публикации служил излишний натурализм и акцент на отсутствии духовности в жизни народа.

С. В. Василенко

В своей прозе писательница изображает ранее табуированные аспекты в жизни женщин и мужчин (больницы, ракетно-ядерные полигоны, родильные отделения, жизнь в общежитиях, «химию» — работу на химическом производстве совместно с заключенными, возвращение с афганской войны...), в диалогах персонажей использует обыденную, иногда грубую или низовую (реже ненормативную) лексику.

Однако В. не стремится поразить читателя остротой социального обвинения, в отличие от некоторых совр. писателей, и в ее прозе, сочетающей тонкий лиризм и жесткий реализм, отчетливо видны религиозно-экзистенциальные мотивы. В этом — неповторимый эффект ее произведений, которые одновременно и потрясают читателя «суровой правдой жизни», и примиряют его с окружающей действительностью. Эти два, казалось бы, исключаящие друг друга взгляда на мир в про-

зе В. сосуществуют неразрывно. Она не является писательницей, работающей в т. н. чернушной манере, поскольку всегда рассказывает о ростках бессмертия, которые появляются и растут в душе каждого человека. Подобная мысль обращает внимание и в написанной с использованием притчевых мотивов миниатюре **«Тополь, дочь тополя»**, смысл которой заключен в последних словах, произносимых героем, о том что в каждом человеке, даже в самом плохом или больном, неполноценном, уроде живет душа, которая когда-нибудь да проявится, и люди увидят и услышат ее, чудесную и чистую, «сильную, гладкоствольную, шелестящую, зеленую, растущую до неба, как тополь» (Преображение. 1995. № 3. С. 112).

Любовные истории не занимают центрального места в повествованиях В., хотя во мн. ее произведениях главные персонажи — женщины. Писательница никогда не прибегает к сакраментальной трактовке образа «женственности» и связанных с ним идей, сформированных долгой традицией социальных и исторических стереотипов: «женская верность и безответность», «вечная женственность», «Прекрасная Дама», «материнская доброта» и пр. Ее героинь отличает жизненная неустроенность (отсутствие своего жилья, небрежное, часто жестокое отношение родителей к детям и детей к родителям, приобретенные или врожденные болезни, нередко — отсутствие семей, супругов, детей). В повествованиях часто нет традиционного женского топоса дома, очага, а если он и присутствует, то в ненормальной, извращенной, болезненной форме (общежития, коммуналки), и почти все ее героини сочетают в себе спонтанно как жертву, так и преступника. Физические их унижения и страдания становятся нормой, перестают носить характер исключения, любовь не воспринимается ими как романтическое чувство и связывается нередко с разочарованием, болью и жестокостью.

Несколько иной аспект творчества В. представляют ее прозаические миниатюры — **«Короткие рассказы»**, **«Дурацкие рассказы»**. Последние писательница структурно строит как сказки, вводя в ткань повествования реалии и лексику советской жизни, что создает саркастически-абсурдный текст, призванный улучшить мир, но в действительности «приводящий к апокалипсису» (Schmid S.— P. 131). Роман **«Дурочка»**, удостоенный в 1998 премии ж. «Новый мир» (№ 11), содержит в себе попытку конструирования мифа, где в символической, синтетической фор-

ме артикулировался бы ответ на кризис нации. Действие происходит в мифологизированном пространстве советской реальности 1930–70-х, хотя и условном, но включающем узнаваемые приметы времени. Там правит бал ненависть к частной жизни человека, культуре, религии, правде и любви. Зримыми воплощениями этого зла являются сторож детдома, людоед и убийца Егорыч и Председатель Тракторина Петровна, воплощающая образ маскулинизированной «пламенной большевички» — карикатура на «принудилровку» женского равенства. Однако в этой тотальной мертвящей атмосфере деградации существуют и те, кто находит в себе силы противостоять этой паранойе. В романе, как правило, это женщины. Женщина представлена в нескольких символических ипостасях: кормилица, устроительница бытия, хранительница народной души, спасительница мира. Бабка Харьта спасает детей-сирот от телесной гибели, неминуемого голода, она же крестит их, сохраняя детские души для жизни вечной. Странная, как бы немая девочка Ганна во имя человечности спасает ненавидящую ее Тракторину Петровну, жертвуя жизнью своего друга Марата. А в конце романа «дурочка» Надька свершает мистический подвиг, рожая Солнце и избавляя человечество от ядерной катастрофы. Женщина в трактовке В. предстает мистической носительницей новой мировой души: «...Я жду, когда Надька родит эту свою прекрасную душу...» Несомненно, переосмысливая понятие женственности в совр. условиях, В. обращается к архаическим традициям и славянского язычества, и православного христианства, где образ женщины был неразрывно связан с тайнами стихий, древом жизни, хтоническими существами, охранительной ролью Богородицы. Поэтому вполне оправдано трактовать данный текст писательницы как своеобразную попытку ретроспективной деконструкции женственного через созидание мифа, который рассматривает бездуховную реальность, как сакральный, символический сюжет.

Проза В. публиковалась в ж. (Работница. 1989. № 10; Радуга. 1997. № 2; Новый мир. 1997. № 9; 1998. № 9), в коллективных сб. «Китайгородская стена» (1988), «Встречный ход» (1989), «Женская логика» (1989), «Правила игры» (1990), «Чистенькая жизнь» (1990), «Не помнящая зла» (1990), «'Glas' глазами женщины» (дайджест 1993). В. была составителем сборников женской прозы, поэзии и драматургии «Новые амазонки» (1991) и «Брызги шампанского» (2002).

Рассказы В. переведены на английский, итальянский, немецкий, польский, французский, японский, китайский и др. яз. В 1991 в Праге она получила премию за «Лучшую европейскую книгу года» (повести и рассказы «Звонкое имя»), в немецком изд-ве «Ровольт» в 1992 был издан сб. рассказов «Город за колючей проволокой», в 2000 в США вышла книга «Шамара и другие рассказы», в Германии в 2003 — «Дурочка».

По ее сценариям поставлены кинофильмы: на студии «Мосфильм» — «Некрасивая» (по рассказу Ю. Казакова), на студии А. П. Довженко — «Шамара», получивший несколько премий на кинофестивалях в Минске, Сочи («Кинотавр»), Берлине (все — в 1995), Брюнсвике (США, 1996), «Ботинки из Америки» (студия «Глория», Берлин, 2001); документальный фильм «Место» (студия д/ф, Москва, 2001), отмеченный премией «Золотая лавровая ветвь» за лучший документальный фильм 2001, а также сериалы «Горячев и другие» («Мосфильм», 1995–96), «Простые истины» (РТР, 2000) и др.

В. — член СП, член русского ПЕН-клуба с 1990, 1-й секретарь Союза российских писателей с 1996.

Соч.: Звонкое имя. М., 1991; Шамара. М., 1991; Горячев и другие: кинороман. М., 1994; Рассказы. Рязань, 1997; После войны: киносценарий. Рязань, 1997; Красные фламинго. NY: Word, 1998; Дурочка. М., 2000.

Лит.: Иванова Н. // Дружба народов. 1989. № 7; Сидоров Евг. // Юность. 1989. № 9; Приставкин А. // Работница. 1989. № 10; Маканин Вл. // Знамя. 1989. № 12; Слюсарева И. // Знамя. 1991. № 11; Абашева М. // Лит. обозрение 1992. № 5–6; Басинский П. Ангел радиации // Сюжеты и лица: сб. статей. М., 1993; Trofimova E. Vasilenko // Dictionary of Russian Women Writers. London (Connecticut, USA), 1994; Schmid S. Zeitgenossische russische Kurzprosa: Svetlana Vasilenko. Wien, 1997.

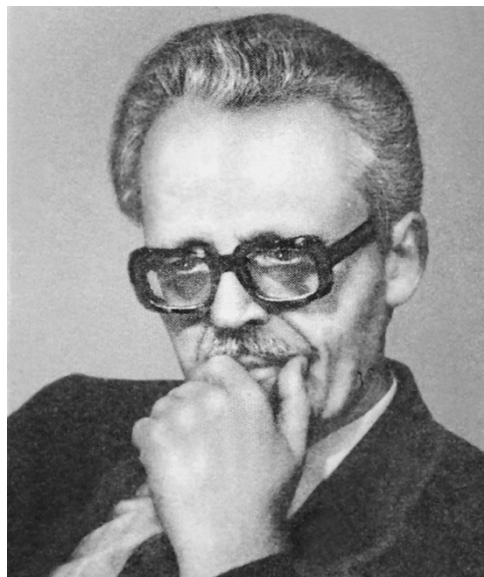
Е. И. Трофимова

ВАСИЛЬЕВ Борис Львович [21.5.1924, Смоленск] — прозаик, публицист, киносценарист, драматург.

Отец — кадровый военный, служил в царской армии, затем в Красной и Советской армиях; мать — из семьи Алексеевых, известной связями с народническим движением; члены кружка чайковцев, к которому она принадлежала, организовали в Америке коммуны фурьеристского типа. Семейные предания, свято хранившиеся в семье В., во многом определили мировоззрение писателя и в значительной степени повлияли на его лит. творчество,

в котором историческая память и историко-революционные реминисценции играют весьма и весьма заметную роль. Их своеобразие выражается в том, что в отличие от большинства романистов, пишущих «на историко-революционную тему», муза истории у В. заметно «одомашнена», ее свидетельства обладают подлинностью и теплотой когда-то звучавших семейных рассказов. Интересно, что такая интонация, не предполагающая стиля обычной историографии, проникла и в те исторические произведения В., что посвящены далекому прошлому («Вещий Олег», 1996; «Князь Ярослав и его сыновья», 1997).

В автобиографической повести «Летят мои кони...» (1982) В. писал: «Мне сказочно повезло: я увидел свет в городе Смоленске...» (М., 1984. С. 134), потому что, поясняет писатель, именно в этом городе зримо соединились география и история. В. подробно рассказывает о роли Смоленска в русской истории, причем в его рассказе история родного города становится одновременно и историей его предбытия на этой земле. Потом, через много лет, он столь же внимательно будет вглядываться в скрытые туманом времени лица предков, воевавших в Отечественную войну 1812 и в Великую Отечественную войну 1941–45. Он заставит юных героев уже послевоенного времени спуститься в рассказе «Старая „Олимпия“» в подвалы старинного дома, когда-то полностью сгоревшего во времена Наполеона и Кутузова, чтобы

Б. Л. Васильев